

ОРУЖИЕ ХРИСТИАНСКОГО ВОИНА ГЛАЗАМИ ПУРИТАНИНА И БАПТИСТА

© Е.Н.Чернозёмова

В статье прослеживаются функции «срединных фигур» в жанре эпической поэмы и аллегорической повести XVII века, рассматриваемые автором как способы художественного выражения внутренней борьбы.

Ключевые слова: «срединные фигуры», слово и меч, Духовная война, Джон Мильтон, Джон Бэньян, эпическая поэма, аллегорическая повесть.

Метафора оружия в отношении средств, которыми ведется борьба за душу человека, в самом начале XVI века была вынесена Эразмом Роттердамским в название трактата «Оружие христианского воина» («Энхоридион», *Enchiridion militis Christiani*; англ. пер. Уильяма Тиндала *the «Handbook of the Christian Soldier»*) [1], написанного в 1501-м и изданного в 1504 г. Католик по вероисповеданию, Эразм следует в этом Библейскому посланию, рассказывающему о силе Божественного Слова и огненном мече Архангела Михаила. Эразм прекрасно знал текст Священного писания, подготовил комментированное издание оригинала Нового завета и призывал к новому, более пристальному научному его изучению [2: 10]. Известно, что он состоял в ожесточенном остроумном споре с главой европейской Реформации Мартином Лютером по вопросу свободы воли и, возражая идее предопределенности, снимающей, с его точки зрения, с человека личную ответственность за свою судьбу и поступки, вменял в обязанность человеку работу над собой в выстраивании, прежде всего, своего внутреннего мира [2: 35-50].

Отталкиваясь от средневековых традиций, представляющих овнешненную борьбу добродетелей и пороков, присущих человеку, в жанрах словесного поединка (в русской традиции *пря* – спор, прения) и моралите, Эразм усложняет исследование внутреннего мира человека и выводит «срединные фигуры», которые не хороши и не дурны сами по себе, проявляют свои качества в зависимости от того, в союзе с чем выступают. К таким качествам Эразм отнес, к примеру, Здоровье, Знание, Красноречие, Славу, Родовитость, которые, в его логике, могли служить и во благо, и во вред, если принадлежали дурному человеку [2: 136].

Открытие «срединных фигур» привело к смене системы драматических жанров: на смену открытому, овнешненному в средневековом моралите спору пороков и добродетелей за обладание

человеком пришли высокие трагедия и комедия Возрождения, в которых борьба и спор добродетелей и пороков был перенесен внутрь человека, фигура которого перестает быть слабой и безхребетной, какой была в моралите [3: 97]. Оружием в борьбе становятся внутренние силы человека: живущие в нем пороки и добродетели вступают во взаимодействие с его стремлением к Знанию, к Славе, с гордостью за достоинство своего рода. Ведется исследование граней и мер нравственных начал.

В XVII веке были продолжены исследования «срединного начала», в том числе были рассмотрены метафоры, связанные с описанием оружия, используемого в духовной войне. Главным оружием в их концепции при этом остается Слово. Его свойства исследованы в великих поэмах Джона Мильтона (1608-1674). Именно словом Сатана разжигает в человеке жажду знания и через это срединное начало пытается увести его с пути света в «Потерянном рае» [4]. Помимо исследования в поэме Мильтона проблемы свободы воли, неверия и гордыни как источников грехопадения, разрабатывается фаустианский мотив испытания человека Знанием, представляющий связующую нить между «Трагической историей Доктора Фауста» Кристофера Марло в XVI веке и гетевским Фаустом в XVIII веке.

Божественное Слово в XVII веке продолжает осознаваться мощным оружием. Но будто бы разрабатывая концепцию срединных начал, заявленную Эразмом, Мильтон показывает, что и Слово может быть поставлено на службу силам тьмы и использовано во зло. Им можно подтолкнуть к Сомнению, которое в союзе с Разумом и послушанием приведет к интересным открытиям, а в союзе с Неверием и Гордыней собьет с пути Веры. Мильтон показывает, как слово, использованное для Лжи, непременно порождает все новую и новую Ложь. Исследуя возможности и качества Слова, Мильтон показывает, как оставаясь атрибутом Бога, оно умеет проговаривать

ся правдой, даже при попытке поставить его на службу лжи.

Наказание, которое ждет падших ангелов, поставивших Слово на службу зла, непредсказуемо. В начале поэмы они задаются вопросом о том, как Создатель может наказать их больше того, что отлучит от мира Света [4: I – римской цифрой обозначаются номера песен – Е.Ч.]. Они задумываются над тем, могут ли их лишить бессмертия и пытаются представить себе небытие, но их наказывают по-другому: лишают дара слова, превращая в бессловесных тварей. Вернувшись в преисподнюю Сатану встречают, вопреки его ожиданиям похвал и аплодисментов, шипением змей.

Разрабатывая концепцию срединности слова и имени, Мильтон показывает, что знание имен не всегда является гарантией знания сути вещей, постижения истины [4: XII, 575-579 – арабскими цифрами обозначаются номера строк – Е.Ч.]. Но порой имя приоткрывает суть явления, дарует понимание истины. Так, рассказывая о том, как Адам должен стремиться к искуплению и выстраивать Рай в своей душе, Архангел Михаил объявляет, что сделать это можно с помощью Любви, но не любовью к себе, миру, женщине, а той, что зовется милосердием, Любовью к ближнему: add love, / *By name to some called Charity* [4: XII, 583-584]. Это любовь-сострадание, способность быть нужным и близким, и Вселенной.

Перекличка христианских представлений с традициями языческой культуры у Мильтона органична, поскольку он заручается античной поэтической традицией в первых строках поэмы, обращаясь за вдохновением к Небесной Музе, тем самым подчеркивая необходимость следования традициям великих поэтов древности, авторов эпических поэм и продолжая начинание Петрарки и Эразма [2: 67].

Именно Словом как основным оружием в борьбе света и тьмы Христос одерживает победу в словесном поединке над Сатаной в сорокадневной битве в пустыне в «Обретенном рае» [5] – четырехчастной поэме Мильтона, побеждая лишь силой веры и духа. Здесь нет огненного меча Архангела Михаила, как в эпическом «Потерянном рае», нет и колдовских сил и чар как орудия борьбы в ранней поэме «Комус». Одержанная победа столь убедительна, что автору нет необходимости дописывать дальнейший земной путь Христа и смерть на Кресте. В условиях прерванной при закрытии театров шекспировской традиции эта поэма берет на себя функции продолжения гамлетовской саморефлексии и внутренней убежденности в необходимости восстановления прерванной связи времен (вправления

вывихнутого сустава веку): утверждения в жизни высоких идеалов чести, достоинства, Любви.

Но Слово – не единственное оружие, которым ведется война на Небесах. «Память жанра», традиции эпической поэмы диктуют автору свои законы. Работая над «Потерянным раем», Мильтон, следуя традициям героической поэмы, сознает необходимость описать битву, что является обязательной жанровой составляющей, и заявляет об отсутствии у себя дара баталиста, о неумении описывать сражения. В начале IX-й книги Мильтон заявляет: «*Наклонности мне не дано описывать войну*» [6] – «*Not sedulous by nature to indite / Wars*» [4: IX, 27-28]. При этом вся 6-я песнь посвящена описанию битвы на Небесах. В этом заключена не непоследовательность или «забывчивость» автора, но потребность четко обозначить наиболее важную тему поэмы: главное в ней не битва на мечах и в латах, но способность сохранить внутреннее величие и чистоту. Признавая законы эпических произведений, Мильтон отделяет себя и свое творение от традиционных героических поэм, для которых воспевание воинских подвигов было основным предметом.

Только VI-я книга написана собственно в традиции героической поэмы. Она представляет собой рассказ о небесной битве. Отголоски описания эпизодов этой битвы и ее осмысления звучат и в начале поэмы в воспоминаниях и рассуждениях падших ангелов во время военного совета, который проводит Сатана [10: 128].

Небесная битва во вполне земных традициях предваряется словесным поединком и ведется мечами и в латах, хотя обе стороны понимают, что «*победа над врагом, / Одержанная силою меча, – / Лишь часть победы*» [6: I, 759-761]. Военная лексика наполняет поэму: небесные твердыни находятся под охраной вооруженной стражи, «*Щетина копий; шлемы и щиты / Сомкнулись неприступною стеной*» [6: I, 620-621]; «*Грозный фронт, / Развернутый во всю свою Длину / Безмерную, доспехами блестит, / Подобно древним воинам сровняв / Щиты и копья*» [6: I, 640-644]; «*Бунтовщики <...> свирепо сжав мечи, / Бьют о щиты, воинственно гремя, / И Небесам надменный вызов шлют*» [6: I, 781-783]; «*Меч Михаила и Небесный гром / Внушали ужас*» [6: II, 386-387].

Благодаря военному сопротивлению падшие ангелы приходят к выводу о том, «*Сколь безрасудно угрожать мечом / Всесильному, который может вмиг, / Создав неисчислимые войска / Из крох наимельчайших, одолеть / Твое безумье или мановеньем / Десницы вседостижной, без нуж-*

ды / В помощи, самолично, в бездну тьмы / Тебя, с твоими ордами, швырнуть!» [6: VI, 190-197].

Вслед за Эразмом Мильтон, разрабатывая идею «срединности» ряда качеств человеческой природы, указывает на опасность не только бездумной и высокомерной тяги к Знанию, но и Сомнения, и Гордыни, а в пространстве эпической поэмы у него возникает возможность сказать и о губительности мощи, и мужества, поставленных на службу сил тьмы. Он указывает на третье наказание падших ангелов, не менее грозное после изгнания из мира света и лишения дара слова: оно заключается в том, что имена храбрецов, упорствующих в падении, стираются из книги вечности:

«<...> *Хоть бойцы Врага,
Могущество и мужество явив
Отменные, желали бы достичь
Не меньшей ратной славы, но навек
Божественный изгладил приговор
Их прозвища из памяти священной,
Да безымянные живут во тьме
Забвенья; ибо сила, изменив
Законности и правде, лишь стыда
Достойна и укора; не снискать
Ей лавров, как ни алчет обрести
Бесчестьем – славу, низостью – хвалу.*

*Пусть же их прозванья навсегда
Безмольвье нерушимое пожрет»* [6: VI, 532-545].

Следуя традициям гомеровского эпоса, Мильтон подробно описывает щит Сатаны: «*Не-разрушимый, исполинский диск, / Покрытый адамантовой броней / Десятислойной»* [6: VI, 353-355]. Однако в это описание подчас вклиниваются выражения, которых не могло быть у античного автора:

«*Архивраг побрел
К обрыву, за спину закинув щит, –
В эфире закаленный круглый диск,
Огромный и похожий на луну,
Когда ее в оптическом стекле,
С Вальдарно или Фьезольских высот,
Мудрец Тосканский ночью созерцал,
Стремясь на шаре пестром различить
Материки, потоки и хребты»* [6: I, 299-307].

Самым разрушительным оружием, к которому обращается предводитель падших ангелов, Мильтон называет коварно извлеченный из недр земли мельчайший элемент, обладающий потрясающей разрушительной силой:

«<...> *в недрах зарождается она
Глубинных, из частичек вещества,
Из черных, грубых зерен и семян,
В духообразной пене огневой
Возникших <...>*

*Вот эти-то частицы, что огнем
Насыщены подспудным, нам достать
Потребно из глубоких мрачных недр,
Забить поглубже в длинные стволы,
Округлые и плотные, поджечь
С отверстия другого, и тогда,
От малой искры, вещество частиц,
Мгновенно вспыхнув и загрохотав,
Расширится и, развивая мощь
Огромную, метнет издалика
Снаряды»* [6: VI, 671-675, 679-689].

Важно осознать поэтический подвиг пуританина Мильтона, воспитанного на строгом отношении к Священному писанию. Его поэтическая смелость прохождения в inferнальные глубины изумляла А.С.Пушкина, который в отрывке из поэмы «Бова» (1814) писал, что не дерзал вслед «за Мильтоном <...> *Херувимов жарить пушками / С сатаной обитать в раю»* [7: 318], и, отмечая суровость стиля Мильтона, приравнивал его к стилю Данте, утверждая, что оба писали «не для благосклонной улыбки прекрасного пола» [7: 722]. Наконец, А.С.Пушкин посвящает поэтической смелости Мильтона специальную черную заметку 1827 г., озаглавленную «О смелости выражений», в которой причисляет его поэтические находки к числу «смелых выражений, сильно и необыкновенно» передающих «ясную мысль и поэтические картины» [7: 719]. Эту высшую «смелость изобретения, создания, где план обширный объемлет творческою мыслию» Пушкин признавал также за Гете, Мольером, Шекспиром, Данте [7: 730].

Таким образом, в поэме Мильтона воспроизводятся два способа ведения войны мрака со Светом: собственно оружием и словом.

Те же два инструмента ведения войны воспроизводит в «Духовной войне» (*The Holy War*, 1682) Джон Бэньян (1628-1688), автор, родившийся на 20 лет позже Мильтона, написавший 60 произведений, среди которых «Духовная война» занимает второе место по популярности после «Пути Паломника». Переключившись с «Потерянным» (1667) и «Возвращенным раем» (1670) Мильтона содержит уже название произведения Бэньяна, полный вариант которого указывает на борьбу за восстановление столицы мира и на потерю и обретение города (в военной лексике – его «сдачу» и «взятие»), «*The Holy War made by King Shaddai upon Diabolus, Regaining of the Metropolis of the World or the Losing and Taking again of the Town»*). Город этот – Town of Mansoul – Душа человека [9]. За обладание им ведут войну силы тьмы и света. Имя божества Шаддая комментирует Теософский словарь, указывая, что оно переводится как Бог Всемогущий и встречается в

Книгах «Бытия», «Исхода», «Чисел», «Руфи» и «Иова». Его греческий эквивалент – Куриос Пантократор. Имя может также иметь значение «излучающий» [11].

Бэньян исследует поведение срединных фигур в жанре аллегорической повести, которая близка моралите овнешнением противостояния между пороками и добродетелями. Как в моралите, пороки здесь возглавляет Дьявол. Во главе добродетелей встает Сын Бога (Prince Emmanuel) – персонаж в средневековой системе жанров возможный в мистериях и мираклях. Его присутствие в повести отдаляет ее от традиций моралите.

Как у Эразма, помимо безусловных пороков и добродетелей, здесь присутствуют начала, способные выступать на стороне как сил добра, так и сил зла, что усложняет повествование, выводя его за грань жанровых возможностей моралите. Стихотворное обращение к читателю, предпосланное повести, Дж.Бэньян начинает с выражения удивления тому, что любители говорить о деяниях прошлого рассказывают о чем угодно: о том, что было и чего не было, но только не о войнах, идущих в душе человека.

Говоря о местоположении города, Бэньян заручается традицией заметок о путешествиях, описывающих географическое положение и климат описываемых местностей: «*it was my chance to happen into that famous continent of Universe. A very large and spacious country it is: it lieth between the two poles, and just amidst the four points of the heavens. It is a place well watered, and richly adorned with hills and valleys, bravely situate, and for the most part, at least where I was, very fruitful, also well peopled, and a very sweet air*» [9: I. A Relation of the Holy War]. Обращает на себя внимание описание местоположения города между двумя полюсами, что обычно для структуры моралите. Обитатели города, по словам Бэньяна, разнятся, как различные планеты, некоторые праведны, некоторые нет. В числе важных сановников города указаны князь *Непорочность* (Lord Innocent), князь *Свободная Воля* (my Lord Willbewill), городской глава *Разумение* (Lord Mayor whose name was my Lord Understanding), летописец *Совесть* (Mr. Recorder whose name was Mr. Conscience) и вождь *Соппротивление* (Captain Resistance).

Всего у города пять врат: Слуха, Зрения, Речи, Обоняния и Осязания («*The names of the gates were these: Ear-gate, Eye-gate, Mouth-gate, Nose-gate, and Feel-gate*»). Поскольку война ведется с помощью слова, особой обороны требуют врата Слуха (Ear-gate). Как и Мильтон, стремившийся доискаться до истоков причин грехопадения,

Бэньян прописывает искусительность речей и поступков Дьявола, который у стен города заявляет, что пришел указать его обитателям на средство избавления от рабства, от которого жители города, сами того не ведая, страдают (и у Мильтона речь его направлена на противоречие между свободой и запретом): «*I am (to tell you the truth) come to show you how you may obtain great and ample deliverance from a bondage that, unawares to yourselves, you are captivated and enslaved under*» [9: I, A Relation of the Holy War]. Важно замечание о том, что при этих словах община стала вслушиваться внимательнее: «*At this the town of Mansoul began to prick up its ears*». Как и у Мильтона, Дьявол обещает, что, вкусив плод с древа познания добра и зла, человек сравняется с Богом.

Разрабатывая проблему свободы воли, Бэньян делает предводителя *Свободную волю* срединной фигурой, которую можно увлечь как на сторону добра, так и на сторону зла. За этим персонажем признается масса достоинств: «*he was a man of great strength, resolution, and courage, nor in his occasion could any turn him away*» – «он обладал огромной силой, решительностью и отвагой, и никто без его согласия не мог сбить его с пути» (перевод наш – Е.Ч.). Но, как и авторы эпохи Возрождения, Бэньян показывает, что порок может быть продолжением достоинства, если его носитель не имеет чувства меры и не обладает разумением (в концепции Возрождения «острым умом»). Именно осознание своих достоинств приводит к тому, что *Свободная воля* стыдится рабства, на которое искусительно указал Дьявол, и по собственной воле открывает врата Слуха, оказываясь сторонником зла и становясь комендантом замка противников.

Рядом со *Свободной волей* оказываются беспринципный *секретарь Мнение*, всегда согласный со своим господином («*one Mr. Mind for his clerk, a man to speak on every way like his master*») и господин *Постыдная Стрась* (Mr. Vile-Affection). Следующим шагом становится попытка умертвить *Совесть*.

Переход на сторону зла происходит при содействии *Зловещего Колебания* (Mr. Ill-pause), которое кладет начало борьбе тем, что пускает стрелу в вождя *Соппротивление*. *Совесть* осуждена на страдание и оковы, лучшие чувства оказываются убитыми.

Такой же срединной фигурой оказывается оставленное без поддержки *Разумение*, окна которого пропускают еще много света, но он его страшится и перестает выносить даже сияния простой свечи, везде желая видеть мрак, в чем потакает Дьяволу. Но поскольку срединность Ра-

зумения достаточно ощутима, персонаж достаточно силен, на его место силы зла назначают *Сластолюбие* (Lord Lustings). Летописцем на месте Совести оказывается *Забвение Добра* («one whose name was Forget-Good»).

В числе срединных персонажей оказываются и другие умственные способности человека. Так, тремя юношами, переходящими из стана в стан и согласующими свои поступки и решения не с верой, а со случаем и обстоятельствами, представлены *Старый обычай* (вариант перевода – «По старинке, Привычка» – Tradition), *Человеческая Мудрость* (Mr. Human-Wisdom) и *Выдумки Людей* (Mr. Man's-Invention).

Срединность и непостоянство проявляют отмеченные письмоводителем Мнением *Мудрый Нажиток* и *Безвредное Веселье*, которые стали дурно влиять на своего хозяина *Свободную Волю*, заражая его своей испорченностью и хитростью.

Опасным в концепции Бэньяна оказывается и *Похвальное Рвение*, поскольку смущает Душу желанием поставить себе в заслугу добрые дела, начиная торговлю за спасение. Однако, по Бэньяну, сами по себе добрые дела не спасают душу, если они не внушены верой в спасение через подвиг Христа.

Бэньян подчеркивает лицемерную изменчивость срединных фигур, которые ведут себя нагло и напыщенно своей мнимой важностью, но перед нечистым делаются гибкими и расторопными.

Важен знак поступка, осознание того, чему служит то или иное качество. Во время суда над пороками господину *Надменности* (Высокомерию), неустрашимому, твердому в бою, вменяется в вину то, что храбрость и стойкость свою он употреблял против законного Царя своего.

Разрастание пороков идет по пути их союзов и родства: господин Постыдная страсть вступает в брак с дочерью секретаря Мнения *Плотской Похотью* (Carnal-Lust). От их союза рождаются три черных сына: *Бесстыдство* (Impudent), *Сквернословие* (Blackmouth) и *Хуление* (Hate-Reproof) и три дочери: *Лжелюбие* (Scorn-Truth), *Святотатство* (Slight-God) и *Месть* (Revenge). Высокие должности в городе занимают *Неверие* (Недоверчивость – Mr. Incredulity), *Гордость* (Mr. Haughty), *Богохульство* (Swearing), *Разврат* (Mr. Whoring), *Жестокосердие* (Mr. Hard-Heart), *Безжалостность* (Отсутствие сострадания – Mr. Pitiless), *Ярость* (Mr. Fury), *Без-истины* (Mr. No-Truth), *Лжесвидетельство* (Mr. Stand-to-Lies), *Пьянство* (Mr. Drunkenness), *Воровство* (Mr. Cheating), *Ложный мир* (Mr. False-Peace), *Ате-*

изм (Mr. Atheism). «Неверие был старше всех, а всех моложе – Атеизм», – утверждает автор.

Вопрос о свободе воли Бэньян, считающийся баптистским проповедником, решает следующим образом. Дьявол заявляет, что человек принял его власть добровольно. Штурмующие город души силы Света знают, что он был создан Всевышним для себя и был любимым местом его обитания, поэтому считают правомерным занять город и выбить из него силы тьмы. Начинают действовать сначала объяснениями и увещаниями, полагая, что душа не все поняла и осознала. Душа отвечает половинчатыми решениями. Дьявол вступает в словопрения на адском, непонятном Душе языке («<...> he has a language proper to himself, and it is the language of the infernal cave, or black pit. Wherefore the town of Man-soul (poor hearts!) understood him not»).

Помимо словесной войны, которую ведут участники спора за Душу, они вступают и в оружейную схватку. Оружие Дьявола аллегорически описывается во второй главе повести. Вооружая защитников зла, нечистый вручает им *шлем-закленку*, не впускающий в голову никакого иначекомыслия, способствующий тому, чтобы человек жил, как жил, не меняя убеждений, с развращенным сердцем («they walked in the wickedness of their heart»). Такой шлем защищает от стрелы, дротика, меча, и щитом его не пробить. Затем защитникам дается железный *нагрудник* («a breastplate of iron») *жестокосердия* («a hard heart, a heart as hard as iron»), который позволяет устоять перед мольбами и угрозами, а также непобедимый меч богохульства, закаленный на адском огне («that is set on fire of hell»). Лучшей же защитой им послужит *щит безверия*, ставящий под вопрос любое слово правды и Божественное увещание, направленное к дурному человеку. Укрепит все *немой дух*, не способный к молитве [9: II].

Сорокатысячную армию Света в аллегорической повести возглавили четыре непоколебимых генерала: *Воанарги* (Boanerges) – прозвище, которое дал Иисус сыновьям рыбака Зеведея – апостолам Иакову и Иоанну, имеющее значение «сыны грома», генералы *Убеждение* (Captain Conviction), *Решение* (Captain Judgment) и *Свершение* (Captain Execution) [9: IV]. Во внешнем плане эти имена соответствуют суду и казни. Повесть описывает цвет их одежд и штандарты.

Прорыв к вратам слуха осуществляет Трубач *Замечай, что слышишь* («the trumpeter Take-heed-what-you-hear»), уступая место вождю *Убеждение*, ведущему борьбу Словом. Защитникам сил Света даются самые важные слова-пароли. Первый из них: «Вы должны родиться

свыше». При штурме города паролем станет имя Сына Всевышнего – Эммануил. Врата слуха, сооруженные господином *Напыщенностью* (Mr. Puff-up), сторонники зла укрепляют двумя пушками огромной величины – *Гордостью Ума* (High-mind) и *Опрометчивостью* (Heady). Пока силы зла полагаются на предводителя *Абы как* (вариант перевода – Равнодушие, Captain Anything), силы Света разбивают башню, в которую заточено Разумение и уничтожают сразу шестерых предводителей: *Богохульство* (вариант перевода – Сквернословие, Swearing), *Распутство*, *Ярость*, *Лжесвидетельство* (Лживость, Stand-to-Lies), *Пьянство* (Mr. Drunkenness) и *Мошенничество* (Mr. Cheating), после чего новые мысли, поддерживаемые летописцем Совестью, стали проникать в головы жителей.

Тексту повести свойственна многократно повторенная эпичная троекратность. Трижды Трубач увещевает жителей, призывая открыть ворота города, с тремя посланиями обращаются к ним генералы сил Света, на которые жители города отвечают неприемлемыми вариантами соглашения. И тогда *Признание вины* (Captain Conviction) принимает решение не оставлять в покое город ни днем, ни ночью, а Создатель направляет к нему войска под предводительством Сына Эммануила и пятерых вождей. У каждого из вождей штандарты своего цвета. Стяг вождя *Веры* (Captain Credence) был красного цвета, его нес знаменосец *Обещание* (Mr. Promise). На гербе полководца Веры был белый агнец и золотой щит. Вождь *Добрая Надежда* (Captain Good-Hope) шел под знаменем небесно-голубого цвета, означающего невидимый свет, который озаряет душу даже в окружении мрака, с тремя золотыми якорями на гербе. Нес его знаменосец *Ожидание* (Mr. Expectation). Третьим храбрым вождем была *Любовь* (Captain Charity).

Отметим, что Бэньян, как и Мильтон, определяет Любовь как сострадание) под стягом нежно-зеленого цвета, который нес знаменосец *Милосердие* (Mr. Pitiful). Кроме Веры, Надежды и Любви вождями выступили *Непорочность* (the Captain Innocent) под знаменем белого цвета с тремя золотыми голубями на гербе и вождь *Терпение* (the Captain Patience) под черным стягом, призывающим спокойно и твердо переносить невзгоды и гонения. Его нес знаменосец *Долготерпеливый* (Долго страдающий, Mr. Suffer-Long). На гербе Терпения изображены три стрелы, пронзающие золотое сердце. Вооружение Эммануила было из чистого золота, сияло, как солнце. Войско имело золотые тараны и пращи.

У стен города возводятся фортификационные сооружения с аллегорическими названиями: с

одной стороны гора *Милости* (the Mount Gracious), с другой – *Правосудия* (Справедливости, Mount Justice) и невысокие валы и форпосты, как, например, вал *Истины* (Ясной Правды, Plain-Truth Hill) и форпост *Без-Греха* (No-Sin Banks). Поочередно вывешиваются белое, красное и черное знамя, каждое развеивается по нескольку дней, но город не хочет сдаваться. То есть трижды меняется цвет поднятых для увещевания штандартов перед началом штурма. Та же троекратная цветовая перемена предшествовала штурму города Тамерланом в одноименной трагедии Кристофера Марло (1587-1588) [12: I, IV, – римскими цифрами указаны часть, акт и сцена – Е.Ч.]. У Марло белый, красный и черный цвета означают соответственно милость и терпение нападающего, кровь, которая может пролиться, если город не сдастся, и смерть, которая ждет упорствующих. У Бэньяна стяг белого цвета вождя Непорочности символизирует духовную чистоту, красное полотнище Веры – кровь Агнца, черный стяг полководца Терпения – умение ждать.

Обитатели города ведут переговоры с осаждающими город силами Света через посланников *Потребность жить*, *Желание Пробуждения*, *Слезные Очи*. Бэньян регистрирует движения души, меняющей свой настрой от потребности жить к жажде пробуждения, описывает все страхи добровольно предавших Христа и неистребимую, неиссякаемую любовь сил света к Душе.

Бэньян описывает схватку и взятие города [9: V], при которых все действия направлены только против пороков, ни один из добрых жителей города не подвергается нападению. Паролем дня становятся слова «*Душа обречена!*» Приступом берутся врата Слуха, от которых путь ведет к Сердцу через Совесть. Но свободу обитатели города могут обрести лишь через молитву. Молитва не может быть услышана до тех пор, пока Христа не впустили в Сердце и не изгнали оттуда врага. Враг при этом должен быть уничтожен.

Последняя отчаянная попытка тьмы отвоевать город предпринимается с паролем «*Адское пламя*» (Hell-fire, 9: XIII). Обессилевшая душа обращается за помощью к Святому Духу с просьбой составить мольбу-прошение к Всевышнему. В концепции Бэньяна спасение даруется Богом при искреннем к нему обращении. Над чистотой помыслов и устремлений человек должен работать самостоятельно.

После победы сил Света следует суд над пороками, в ходе которого их предводитель и они сами пытаются подменить имена, так продолжая войну словом: *Алчность* (Mr. Covetousness) пытаются назвать *Хозяйственностью* (Домовито-

стью, Good-Husbandry), *Спесь* (Mr. Prid) – *Аккуратностью* (Подтянутостью, Mr. Neat) или *Привлекательностью* (Mr. Handsome). Самыми опасными оказываются *Вредное Исследование*, пытающееся предстать под именем *Разумная справка*, а также всевозможные Сомнения.

Продолжая размышлять над особенностями умственных возможностей человека, Бэньян описывает суд над *Вредным Исследованием*, который проявлял лукавство, сомневался в истине законов и устава сил Света и приглашал десять тысяч Сомнений: Сомнение в избранности, которое потрясает веру в Слово и дает ложное убеждение, что человек может получить спасение по своим делам, а не по благодати; Сомнение в предопределении, Сомнение в призвании, а Божественное призвание пробуждает душу, Сомнение в благодати.

Завершается книга Бэньяна тем, что в помощь душе даются два Учителя: Небесный и земной. Без них человек будет спотыкаться и падать, как ребенок, не умеющий ходить. Небесный учитель – Дух Святой. Он один объяснит тайны истины, приведет на память забытое и открывает грядущее. Земной учитель – Совесть – должен заботиться только о гражданских, нравственных и семейных добродетелях и не должен брать на себя объяснение высших тайн. Его касаются только земные вопросы. Такое отношение к земному наставнику согласуется с баптистской концепцией всеобщего священства, согласно которой церковь не делится на мирян и духовенство и все верующие в равной степени способны совершать богослужение.

*****

1. *Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина* (Энхоридион) // Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М.: Наука, 1987. – 703 с. // URL: http://krotov.info/library/26_ae/aera/zm_00.htm (дата обращения 31.08.2013);

<http://lib.rus.ec/b/162950>(дата обращения 31.08.2013).

2. *Соколов В.В.* Философское дело Эразма из Роттердама // Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М.: Наука, 1987. – 703 с.
3. *Чернозёмова Е.Н.* Система драматических жанров 80-90 годов XVI века в Англии // Дис... д. филол. наук. – М.: Московский гос. у-нт, 1995. – 370 с.
4. *Milton John.* Paradise Lost. A poem. Pr. from the text of Tonson's correct ed. of 1711 // URL: <http://www.literature.org/authors/milton-john/paradise-lost/> (дата обращения 31.08.2013).
5. *Milton John.* Paradise regained. Signet Classic, 2001 // URL: <http://www.literature.org/authors/milton-john/paradise-lost/> (дата обращения 29.08.2013).
6. *Милтон Джон.* Потерянный рай / Пер. Арк.Штейнберга // Милтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М.: Художественная литература (БВЛ), 1976. – С. 27 – 372.
7. *Пушкин А.С.* Бова (Отрывок из поэмы) // Пушкин А.С. Собр. соч. Золотой том. М.: Издательский дом в Москве «Имидж», 1993. – 975 с.
8. *Пушкин А.С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова // Пушкин А. Собр. соч. Золотой том. – М.: Издательский дом в Москве «Имидж», 1993 – 975 с.
9. *Bunyan J.* The Holy war, made by King Shaddai upon Diabolus. Transcribed from the 1907 Religious Tract Society edition by David Price // URL: http://www.gutenberg.org/catalog/world/readfile?fk_files=3222343&pageno=50 (дата обращения 23.08.2013)
10. *Чернозёмова Е.Н.* Поэма Джона Мильтона "Потерянный рай" // Чернозёмова Е.Н., Ганин В.Н., Луков В.А. История зарубежной литературы XVII-XVIII веков. Практикум. – М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2004. – С. 113 – 138.
11. Теософский словарь / Сост. Дж. Мид. Пер. с англ. А.П.Хейдока по: The Theosophical glossary. L., 1892 // URL: http://www.theosophy.nm.ru/blavatsky/texts_online/HPB_theoDICT.htm (дата обращения 31.08.2013).
12. *Marlowe Ch.* Tamburlaine the Great // URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/1094>, <http://www.gutenberg.org/ebooks/1589> (дата обращения 2.09.2013).

WEAPONS OF THE CHRISTIAN SOLDIER AS SEEN BY THE PURITAN AND THE BAPTIST

E.N.Chernozemova

The article explores the functions of the so-called «medium figures» (by Desiderius Erasmus) in the epic poem and allegorical prose of the 17th century as a means of artistic expression of the inner struggle in characters.

Key words: «medium figures», word and sword, the Holy War, John Milton and John Bunyan, epic poem, allegorical prose.

* * * * *

Чернозёмова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета.

E-mail: chernozem888@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.05.2013